

Культура

О пользе тщеславия

Мария БАБАЛОВА

Сергей ЛЕЙФЕРКУС покинул родной Санкт-Петербург и вместе с ним Мариинский театр, где прослужил два десятка лет и добился всего, чего было можно, в середине девяностых. С тех пор он куда более знаменит и востребован в Европе и Америке, нежели у себя на Родине. Певец входит в когорту ведущих баритонов мира, имеет уникально разнообразный репертуар и репутацию на редкость надежного певца, в чьей натуре воедино сливаются тонкая интуиция, точный профессиональный расчет и строго дозированные эмоции. Являя, таким образом, идеальный образец современного оперного артиста. 8 марта в Бетховенском зале Большого театра певец даст единственный сольный концерт в Москве.

— Что такое концерт в Бетховенском зале?

— Это подарок женщинам. Сначала была идея исполнить романсы Чайковского и Рахманинова. Как шутят вокалисты, вечно новая программа — дежурное блюдо концертного репертуара русского певца. Но так как нынешний год — юбилейный для Линки, я решил обратить внимание на этот факт. У меня есть в репертуаре замечательный цикл «Прощание с Санкт-Петербургом», который я обожаю и с удовольствием исполняю. Показать его в Москве мне очень интересно.

— Для России вы превратились в исключительно концертного певца...

— Для меня глобального значения не имеет, приезжаю я в Москву с концертом или чтобы спеть в опере. На моем столе в оксфордском кабинете лежит огромный список тех названий, в том числе и новых постановок, в которых мне предлагает участвовать Большой театр. Но все это связано с большими временными затратами. А я, как и все музыканты, работающие на Западе, расписан на несколько лет вперед. Например, я очень люблю вердиевского «Макбета», и я получил от Большого приглашение принять участие в постановке, но по срокам я никак не мог вписаться в график репетиций. Что касается Мариинского театра, все получается так же, как и с Большим. Наше расписание, а иногда и творческие планы категорически не совпадают. Поэтому

на сегодняшний день я очень рад тому обстоятельству, что мне удастся появиться в России хотя бы пусть только в амшлу концертного певца.

— Как же так получается, что лучшим оперным театрам мира удается совпасть с вашим графиком. А нашим — категорически нет?

— Очень сложный вопрос. Я пою в сезон порядка шести-десяти спектаклей, так что жаловаться моим агентам повода пока не даю. А российским театрам элементарно не хватает взвешенного и долгосрочного планирования лет на пять вперед. Я, конечно, стараюсь делать все возможное, чтобы встречаться с российской публикой. Но если честно, я не могу сказать, что я страдаю от того, что не пою сегодня в спектаклях Большого или Мариинского. Нельзя объять необъятное. Хотя и надо к этому стремиться. Существует много театров, где надо появляться артисту, чтобы быть в числе первых. Был такой момент, когда у меня подряд шли контракты с американскими театрами и практически не было европейских. И я почувствовал, что в Европе меня публика начала забывать. Я трагедии из этого делать не стал, но взял эту историю себе на заметку.

— Но российская аудитория вас никогда не забывала. Несмотря на редкость выступлений...

— В Россию, особенно в родной Петербург, я стараюсь приезжать при каждом удобном случае. И даже после того, как праздничная лихорадка в Петербурге схлынула, я дал в июле два благотворительных концерта, билет на которые стоил пять рублей. Концерт был в Исаакиевском соборе. По самым скромным подсчетам, пришли четыре с половиной тысячи человек. Звучали русские и болгарские песнопения. И по лицам людей было понятно, что они получили не только светское удовольствие. А в декабре с оркестром народных инструментов я спел концерт в Большом зале филармонии, не получив за него свой обычный гонорар. В финансовом вопросе я могу отыграться в Японии или Америке, но не в Петербурге. И снова был аншлаг. И по большому счету, не важно, ты выступаешь в опере или в концерте, главное, то удовольствие, которое получают люди и ты сам. И это высшая степень наслаждения, ни с чем не соизмеримое удовольствие для любого артиста. Успех оперного спектакля в большей степени

зависит от режиссерской концепции и удачно подобранного ансамбля солистов. И петь спектакль, даже самый сложный, гораздо легче, чем концерт. В концерте же, наоборот, стоишь один перед залом, «словно голенький», как заметил Галич, и практически все зависит только от тебя. Поэтому все разговоры типа: «Вот он исхалтурился, перешел на концерты». Чуть. Другое дело, что любой оперный певец, прежде всего, мечтает петь на подмостках великих театров.

— Но в вашей жизни были и не однажды выступления во всех великих театрах. В таком случае, о чем же вы мечтаете?

— Я мечтаю о многом. Прежде всего, петь как можно дольше. Хотя, конечно, понимаю, что возрастной ценз для любого вокалиста существует. Еще я очень хотел бы исполнить несколько партий из числа тех, что мне спеть пока так и не довелось. Например, сейчас одна моя давняя мечта сбывается. Я начинаю работать над ролью Альбериха в вагнеровском «Кольце нибелунга». Но остаются еще Риголетто, Родриго в «Дон Карлосе» или Борис Годунов в первой редакции оперы Мусоргского. Так получилось, что какие-то партии без видимых на то причин просто выпали из моего репертуара. И когда интересуются, почему я не пою Риголетто, я в шутку всегда рассказываю, что моя теща сказала: «Не умру до тех пор, пока не услышу вашего Риголетто». Вот я и охраняю ее от этого момента. Если же серьезно, то новую партию надо делать очень обстоятельно. Нельзя поспешно, после десяти дней репетиций выходить на сцену. Я никогда в жизни не подходил к музыке лапидарно. Музыка очень серьезная вещь, не терпящая халтуры, которая в конце концов бьет бумерангом. Наверстать упущенное всегда очень сложно.

— Разве вы не достигли того положения в оперном мире, когда сами можете предлагать театрам те оперы, в которых вам хотелось бы появиться?

— Дело в том, что сейчас искусство во всем мире переживает финансовый кризис. После событий 11 сентября очень много людей из числа тех, кто щедро спонсировал мировое искусство, понесли громадные убытки, поэтому они ныне не могут позволить себе меценатствовать. И сегодня диктовать свои пожелания театрам практически невозможно. Это просто удача, когда планы театра совпа-

«Если я вхожу в первую десятку баритонов мира, то я более чем счастлив этим обстоятельством...»

дают с твоими личными планами. Потом, никогда нельзя думать о себе, что ты уже всего достиг. Не достиг. Но очень хочется достигнуть. Я никогда не хвалюсь своими успехами — это мне чуждо. Если я вхожу в первую десятку баритонов мира, то я более чем счастлив этим обстоятельством. Мне этого достаточно, чтобы утолить собственное тщеславие. Сегодня жизнь приобретает настолько стремительный темп, что говорить о том, что кто-то из певцов может претендовать на единоличное лидерство, на мой взгляд, неверно. Тщеславие на сцене очень полезно, если его только не превращать в ярмарку тщеславия. Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Иначе просто нет никакого смысла заниматься своим делом. Хотя у меня нет уверенности, что я могу все. Наверное, ее и не должно быть — никто не может «все». У каждого есть какая-то своя линия в жизни. Хотя жизнь постоянно преподносит сюрпризы. Но я не могу сказать, что проснулся в один день знаменитым и понял, что я — гений. Моя карьера выстраивалась очень медленно. Достаточно сказать, что на профессиональной сцене я уже больше тридцати лет. Возможно, конечно, я самод. Но я очень часто просто ненавижу свой голос. Не могу, не люблю его слушать в записях. Внутри себя я слышу его совершенно по-другому. Это абсолютно две разные вещи.

— У баритона на сцене судьба злодея...

— Увы... Так сложилось, что композиторы решили отдать судьбу сопрано в руки теноров, а все злодейства мира приписали баритонам. Но, если бы ни они, не было бы оперного искусства. Оно было бы никому неинтересно. Потому что людям нужно почувствовать притягательную остроту.

— Это как-то отражается на вашем личном мироощущении?

— Хочу думать, что это заставляет быть лучше в реальной жизни. Актер должен быть здоров, прежде всего,

психически. Только человек с устойчивой психикой может позволить себе меняться, перерождаться каждый вечер. Профессионал должен уметь переключаться. Я считаю, что человек — это разновидность биологического компьютера. И мы зависим от той программы, которую сами себе задаем.

— И какую программу вы себе задаете?

— На активную жизнедеятельность. К примеру, я со знанием не отдыхал уже

много лет. Человек не должен терять свою жизненную цель из виду ни на мгновение. И если я закончу свою певческую карьеру, я уже сейчас знаю, что буду делать.

— И что, например?

— Во-первых, давать серьезные мастер-классы, а не однодневки. Именно это я и собираюсь проделать в июне в стенах Петербургской консерватории. Буду целую неделю заниматься с молодыми певцами, работая с ними над

интерпретацией образов. Процесс же постановки голосов, сказать честно, мне скучен.

Во-вторых, «Берлинский салон» решил организовать фонд поддержки молодых талантов и попросил меня стать его президентом. Я с удовольствием согласился. И уже договорился о взаимном бесплатном обмене студентами между Петербургской и Берлинской консерваториями. Именно фонд берет на себя все расходы по про-

живанию и оплате дороги студентов. Тот же фонд будет способствовать различным стажировкам и прослушиваниям молодых музыкантов. Есть еще идея создать именные стипендии или премии, где финансовая составляющая будет от спонсора, а имя — от выдающегося музыканта, который становится как бы творческим крестным своего молодого избранника и участвует в его карьерном продвижении. Так что я без дела сидеть не стану.

НАТАЛЬЯ ПОГИНОВА

264